

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Смугляк. - Санкт-Петербург. - 1992. - 28 июля - с. 5

Петербургской художнице Татьяне Георгиевне БРУНИ исполнилось 90 лет. Она принадлежит к прославленной и самой продолжительной художнической династии России.

Старинный род, древнее древо, разрастающееся уже пятый век. Все — живописцы, архитекторы да музыканты... Корни — в Италии чудесной, лучезарной. Там, под щедрым, ликующим неаполитанским небом — петь, играть, танцевать, писать мир красками — то же, что дышать. Пробовать вкус теплого ветра пополам с морской свежестью. Или вслушиваться в вечный, мудрый шум прибора, созерцать необъятное изумрудно-лазурное лоно. Чувство меры рождается чувством моря.

Фамилия Бруни означает — загорелый, смуглолицый. Отдавший лицо припекающей ласке. Род радостных, отмеченных Солдцем на челе. А для печалей — нет им причины. Са-анта Лю-учия! Санта Лючия!..

Во всем есть тайный Божий промысел и смысл. Так придумано, устроено было, чтобы прапрадед ее, лепных и живописных дел мастер Антонио Бароффио Бруни приехал с женой и детьми в Россию. Жить ему надлежало в Царском Селе. Чтобы украшать его дворцы. И сдлужиться с курчавым лицеистом, тоже

смуглолицым... Правнук его, Георгий, музыкант, ученик Чайковского, даст дочери воспетое пушкинскими строками имя — Татьяна. Пяти лет от роду дитя поведет в Маринку, и она влюбится в театр навсегда. Потом станет крупнейшим российским сценографом, оформит «Евгения Онегина», «Лебединое озеро», «Щелкунчика»... Все — взаимосвязано, переплетено, выращено на вековых плодородных пластах культуры, постоянно на поэзии и пропитано музыкой.

И все проходит. Спектакли ставят, потом снимают. Остаются только эскизы костюмов, декораций... Дроссельмейер в черном фраке бежит-летит сквозь белую стужу, а над ним зависли снежинки — силфиды... Золушка входит во дворец, на золотом циферблате, под которым танцуют красные гномы, — еще нет двенадцати... Германи окутан-опутан пургой, словно шалью... Линии и краски — певучи. Эскизы, оказываясь, бывают застывшей музыкой для глаз.

А пустое трехмерное пространство сцены снова надо обживать, оживлять, пока оно не преобразуется в модель мира... И так было более полу-

века. В среднем по четыре спектакля в год.

..Несколько десятилетий у нас держался высокий уровень сценографии. Была эпоха имен — Акимов, Бруни... Они — словно начальные истины, необходимые инициалы — как Аз, Буки... Имена есть и сейчас — нет времени, эпохи, элиты. Театральные художники работают мало, все чаще уходят в живопись, ставят в провинции, в лучшем случае (в лучшем ли?) — за границей.

Но, переживая скудоумие и нищету духа, серость и примитивную невыразительность, можно надеяться на тех немногих, что идут в заданном, проложенном фарватере. Ученик Бруни, наш ведущий сценограф Эдуард Кочергин в ответ на оправдания своей студентки, что, мол, все ведь вокруг разваливается, воскликнул: «Но ведь цветовые отношения остаются прежними!»

Уход Бруни из театра странным образом совпал с началом кризиса сценографии. Тогда, десять лет назад, любимое ею пространство сцены-коробки вдруг сузилось до размеров тесной комнатки, заклопочившей ее, обездвиженную инсульт-

том, в своих стенах. Парализовало правую руку.

Она долго училась работать левой. В аспидно-черной вдовливой ночи улыбалась в пото-

лок, мысленно рисуя на его белом листе. Утром окропляла кистью лист бумаги. Пока не зашвели, не заблагоухали акварели.

Так продолжается по сей день. Она расписывает красками и фломастерами обычные школьные альбомы для рисования. Комната густо населается озорными, веселыми Арлекинами и Коломбинами, феями в высоких париках и пышных кринолинах, легкими воздушными танцовщицами, Котами в сапогах, мышами в коронах... Мир этот беспределен и необъятен, как сама фантазия.

Почти все — раздвигается. Каждому гостю достается кусочек бесценной радости, терпеливо выращенной из печали. Альбомы потрошатся, их листки разлетаются, как чужие лепестки, — по разным домам, улицам, городам... И замкнутая, напряженно-сковывающая кубатура комнаты потихоньку раздвигается, растягивается, расширяется... До размеров мира. Как тяжело. Господи. Как легко... Со стены смотрят из старинных рам навсегда написанные маслом предки: Фиделе (Федор) Бруни, ректор Петербургской Академии художеств и хранитель Эрмитажа, жена его, Анжелика, и сын их, Юлий. Озаренные лица, родовая мета на челе... И для страданий — нет им причины. Санта Лючия! Санта Лючия!..

Елена ЮГИНА